

ЗАНОЗА

Лет пять не ступала я на Глиняную дорогу. В те времена, когда ещё не протянули до райцентра шоссейку, слыла она наиглавнейшей в округе. Но, срезав углы, проложили напрямки большак, и канула в забвенье древняя Глинянка. Лишь изредка забредал кто-нибудь по ней в Жёлудь-лес за подгрудками, да в сенокосную пору вжикали по её обочинам литовки.

Судьба деревни шагала с ней в ногу из года в год, версту за верстой. Веками утоптанная, чего только не хранила Глинянка в своей пыльной памяти: и набег самозванцев в смутные времена, и беспощадные «акции» латышских стрелков в Гражданскую, и кованный сапог германца в Отечественную.

В детстве под Покров ходила я с бабушкой этой дорогой в дальний Богачев-лес за калиной. На обратном пути, умаявшись, останавливались попоудничать под яблонькой-дичкой, что прилепилась к Глиняной дороге у въезда в Волчий лог. Тогда мне, маленькой девочке, казалось, будто ветви старого дерева цепляются за облака и удерживают их. Не припомню нашего похода, чтобы в этом месте нас не отхватывал дождь. Порою к нему примешивался снег.

Каждый раз, несмотря на непогоду, разрывая пожухлую листву, мы отыскивали пяток кислющих, аж вязало скулы, яблочек-лесковок. Без этих заветных дичек бабуля не уходила домой.

- И на что они тебе сдались, горькие, как полынь, - не выдержала я однажды.

- Судьба у матери горькая, знать, и детям аукнулась, - вздохнула бабушка.

Вечером, лёжа на жаркой печи, согревая оклякшие руки-ноги, я подступила к ней с расспросами, мол, что за тайна за лесковкой водится, о которой я до сей поры не знаю?

- Годками не вышла, вот и не знаешь... Каждый стар-человек окрест помнит тот Покров в девятнадцатом.

- Бабуль, - закланчила я, превозмогая клонивший к подушке сон, - расскажи!

- Думаешь, отчего над яблонькой у Глинянки всегда дожди полоскают? - начала неторопоко бабушка. - Я так кумекаю: там Богородица денно и ношно плачет. Явившись в день тот злосчастный, оказалась она свидетельницей жуткого злодейства. Не к ночи будь помянуто!

Сон с меня будто Лыска языком слизала.

- Бабуль, спишь что ли? Чего замолчала-то? – шепчу, а сама к бабушке льну, боязно отчего-то.

- Да где тут теперя заснёшь? Разбередила годы. Глаза не смыкаются.

И поведала мне историю, забыть которую не могла всю жизнь. Историю, о которой и я теперь нет-нет да вспомню, а недавно решила детям своим рассказать, надо, чтобы и они знали.

* * *

В начале века объявился на хуторе Савва Куприянов. Мужик, приглядывались нашенские, работной. Да и деньжата водились. Сруб из Калуги привёз. Пятистенник поставил. Амбар не соломой, тёсом покрыл. Скотинку завёл. И, что самое удивительное, сад насадил, всё больше яблоньки.

Деревенские считали, что Савва и спать-то никогда не ложился. То на подворье у него лязгали-отбивались литовки, то жужжала им же слаженная крупорушка, то мычала-ревела-кудахтала по сараям-амбарам живность. Сыны на задворье ставили овины, невестки с ребятней пересушивали, утыкав горожу, возы ломинского торфа, выше небес укладывали поленицы. Савва вольностей не терпел – все у него при деле.

Хозяйствовал с умом. Всё под контролем. Сынов при себе держал, подшучивал: «Миром и батьку легче бить». Дети в него – работающие, не выпивохи, не гулёны. Ладилось в Куприяновской семье. Уж и внуки пошли, и сад начал родить.

Голь хуторская завидовала, мол, чужак, а как землицей нашей навострился пользоваться. Подъез к Рождеству хлебушек, лезли в долги к Савве, а потом отработывали на севе, на сенокосе, на уборке.

Любил работку Савва Кузьмич, и она его уважала. Бывало, выйдет с сынами да с батраками на покос, уж под шестьдесят ему, а ручку идёт – никому не уступит. И соху из рук не выпустит, и топор ещё слушается, и батраки за смётку хозяйскую уважают.

Но подоспели, как дурман-трава в Ревун-овраге, лихие времена. Возвернувшийся с завода шибутной Елизар Матюхин собрал сход, взбаламутил народ. Мол, по всей России что деется, а вы тут хребет гнёте, закрома да карманы Куприяновские набиваете.

- Долой Савву-кровопивца! Пожечь его, стервеца! На Соловки! В Сибирь змеиное отродье! – сначала на сходе, а потом и в глаза Куприянову стало выкрикивать мужичьё.

Савва раскинул умом, пообговорил с сынами и, аккуратно под Покров, снарядил обоз, будто бы в волость на ярмарку яблоки везти. Увязав в узлы самое нужное, не жалея усадьбы и построек, сметливый мужик усадил на каждую подводу по сыну с домочадцами, сам тронулся последним, прикрывая обоз.

Сборы эти обманные, конечно, не были не замечены хуторскими. Тут же доложили Елизару. И он, прихватив дюжину осатанелых от нищеты мужиков, кинулся в погоню, наперерез.

В полчаса бойня была закончена. Из всего обоза, из всего Куприяновского рода, уцелел пятилетний мальчонка. На другой день Елизар отправил его в волость, и след последнего отпрыска Саввы Куприянова затерялся.

Усадьбу растащили. А как грабили, передрались мужики. На всех-то коров-свиней не хватило. Дошли до мордобоя. Вволю натузившись, решили скот порезать и поделить. Мясо через неделю съели, сохи-хомуты растащили. На полушку обогатились. Как была нищета, так нищетой и осталась, а мужика крепкого, себя кормившего, дававшего возможность прокормиться многим,

изничтожили. В порыве ярости дом подпалили, амбары-сарай сами огнём взялись, яблони вырубали под корень.

Спустя несколько лет на месте гибели Саввиного семейства, там, где рассыпали налётчики плетушки с яблоками, прижилась яблонька-дичка, одна-одинёшенька, словно в подтверждение тому, что жив, не сгиб Купряновский мальчонка.

Не поднялась ни у кого рука сломать деревце на обочине Глиняной дороги. Дождик поливал, солнышко согревало сиротинушку. И окрепло, возмужало деревце, превратилось в красавицу-яблоньку.

Многие годы усталые путники находили прибежище под её раскидистыми ветвями. Не раз и я укрывалась под ней от дождей, проходя с корзинкой боровиков или с лукошком земляники.

Но однажды страшная гроза разразилась над Волчьим логом. Молнией опалило яблоньку. Обгорела крона и суки. Ухнул ливень, будто так и было задумано свыше, и не успел заняться ствол. Год от года высушивало его солнце, шлифовали-выветривали ветродуи. Залубенел остов яблоньки, превратился в нерукотворный памятник убиенным. Острой занозой торчал он над Волчьим логом. Долго бередила эта заноза незаживающие раны омытого кровью места.

Рассказывают, несколько лет назад объявился на хуторе старик, всё о делах тех давних расспрашивал. И, не сказав, кто он и зачем, исчез. Только обнаружили хуторские, кто-то на месте занозы яблоньку привитую посадил, а заноза исчезла без следа. Каждый год по осени появлялись новые саженцы. Их становилось всё больше и больше.

Поговаривают, что старик тот каждый год наезжает отведать свою яблоньку и посадить рядом новую. Так-то оно так, только Глинянка стала примечать: потянулись с хутора мужички - то Григорий заглянет, то Петруха завернёт, то Илья зайдёт на памятное для хуторян место, и не спроста, с деревцем молоденьким.

Дай-то Бог! Глядишь, на месте занозы сад покаянный приживётся.